

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры ¹⁾.

На призовомъ пароходѣ.

Наступало июльское утро. Солнце, взойдя надъ нѣжной линіей горизонта, хотя и уменьшалось въ своемъ дискѣ, но съ каждой минутой бросало свои все болѣе и болѣе горячіе лучи на ровную гладь Тихаго Океана, который былъ дѣйствительно тихъ, и только зыбь, еле замѣтная на глазъ, плавно поднимала и опускала три гордыхъ крейсера, шедшіе съ сѣвера на югъ въ строѣ кильватера. Давно, больше года уже не видали здѣсь этихъ кораблей, и лишь встрѣчавшіяся на пути мелкія японскія рыбацкія суда, заштильвшіяся и безпомощно качавшіяся, являлись въ это утро молчаливыми свидѣтелями неожиданнаго появленія русскихъ: и тревога, что врагъ однимъ выстрѣломъ можетъ топить cadaго изъ нихъ, и досада, что штиль не даетъ имъ возможности пойти къ берегамъ своей родины и принести первыми вѣсть объ опасныхъ пришельцахъ, выражалась на желтыхъ лицахъ рыбаковъ; а Токагама уже близко, еще 7 часовъ хода и, можетъ быть, русскіе крейсера начнутъ обстрѣливать городъ!

— Ваше Высокоблагородіе, по траверзу дымъ,—радостнымъ голосомъ докладываетъ вахтенному ученикъ-сигнальщикъ, съ 4-хъ часовъ утра мечтавшій первымъ открыть пароходъ.

— Дѣйствительно дымъ... семафоръ живо адмиралу, а то тамъ флагманскіе проспали,—довольнымъ голосомъ говоритъ лейтенантъ, но его иронія оказалась преждевременна: на флагманскомъ крейсере положили право на бортъ, и вмѣсто точно

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

створившихся мачтъ и кормы на фонѣ голубого моря обрисовался стройный корпусъ крейсера, видимо одновременно прибавившій ходу.

— „Смирно“, командуетъ на ютѣ вахтенный офицеръ, юный безусый мичманъ съ лихо сдвинутой на затылокъ фуражкой; изъ своей каюты быстро, но не спѣша, идетъ дѣдушка, какъ звался между командой сѣдой командиръ, которому все уже доложено съ мостика по телефону. Какъ лунь бѣлый, съ черными, острыми глазами, проникавшими насквозь и зажигавшимися огнемъ въ минуты гнѣва, поднялся онъ на верхній мостикъ и, съ высоты 50 футъ зорко оглядѣвъ горизонтъ, привычнымъ глазомъ увидѣлъ дымъ и приказалъ пробить „дробь-тревогу“.

Безъ шума, безъ тревоги и съ большой быстротой, выработанной сознаниемъ важности дисциплинированнаго порядка и пятимѣсячной привычкой, убирались внизъ снаряды, приготовленные съ вечера для отраженія ночной атаки, и замѣнялись фугасными; комендоры заботливо обтирали пушки и проворачивали ихъ на станкахъ, провѣряя, хорошо ли дѣйствуютъ поворотные и подъемные механизмы.

— Купецъ... двухмачтовый... однотрубный, флагъ не приметить, — послѣдовательно докладывалъ сигнальный квартирмейстеръ, не отводившій подозрительной трубы отъ дыма.

— Пароходъ по носу, — слышится робкій возгласъ откуда-то сверху: то ученикъ-сигнальщикъ, сидѣвшій въ „вороньемъ гнѣздѣ“, т.-е. въ особой корзинкѣ, устроенной на форъ-стенгѣ, чтобы увеличить видимость горизонта, рѣшился исполнить свою обязанность. Посаженный туда съ 4-хъ часовъ утра, замечтался молодой матросъ о своей деревнѣ и только тогда замѣтилъ, что видѣется на горизонтѣ что-то подозрительное, когда головной крейсеръ повернулъ на открывшійся дымъ; на его счастье командиръ, также разсматривавшій пароходъ, не обратилъ вниманія на это сообщеніе, и только такъ называемая газета крейсера, офицерскій вѣстовой, стоявшій 2-ымъ номеромъ у 75 м/м. пушки на бакѣ, не удержался, чтобы не заявить: „Воронѣ и воронье мѣсто“...

На флагманскомъ крейсерѣ уже развѣвается сигналъ по международному своду. „Остановитесь“, передается изъ устъ въ уста значеніе сигнала, и прислуга орудій съ любопытствомъ смотритъ въ порта, оцѣнивая пароходъ по достоинствамъ. „Глубоко сидитъ... загруженъ... нѣмецкій флагъ... попался контрабандистъ, вотъ ежели бы снаряды везъ“, слышатся отдѣльныя

разговоры, а уже звонки машиннаго телефона и шары возвѣстили, что крейсера остановились. Съ головного крейсера отвалилъ вельботъ съ офицеромъ для первоначальнаго смотра парохода, и что-то усиленно семафорять. „Приготовить призовую партію“ разбирають съ полубака, а съ мостика уже доносятся приказанія „барказъ № 1 къ спуску приготовить, призовая партія на правые шканцы во фронтъ“, а командиръ на мостикѣ даетъ послѣднія приказанія назначенному въ призовую партію лейтенанту.

— Есть большой контрабандный грузъ, идетъ въ Токогаму, пароходъ Гамбургско-Американской линіи, — разбирають семафоръ съ арестованнаго парохода, а съ флагманскаго корабля уже приказываютъ послать призовую партію на пароходъ, а начальника партіи прибыть къ адмиралу. Красавецъ 14-ти весельный катеръ съ лихими гребцами несется на флагманскій корабль, гдѣ адмиралъ даетъ послѣднія инструкціи лейтенанту.

Барказъ, полный матросовъ и нагруженный провизіей, и катеръ съ лейтенантомъ почти одновременно пристають къ арестованному пароходу, нѣсколько минутъ спустя шлюпки возвращаются къ роднымъ крейсерамъ. „Желаю счастливаго плаванія“, колышется вслѣдъ уходящему на сѣверъ пароходу сигналъ адмирала.

Крейсера пошли на югъ; скоро отъ нихъ осталась только полоска дыма, а на арестованномъ пароходѣ заведены новые порядки: на мостикѣ рядомъ съ капитаномъ или его помощниками стоятъ вахту командиръ и мичманъ съ прапорщикомъ запаса флота поочередно; сигнальщикъ заботливо осматриваетъ горизонтъ; 80 ружей поставлены въ двухъ мѣстахъ и у каждой самодѣльной пирамиды, т.-е. палки со шкертками, стоитъ часовой; въ машинѣ два машиниста, а въ кочегаркѣ 3 кочегара съ револьверами наблюдаютъ, чтобы не произошло злосчастной порчи механизмовъ и котловъ, еще стоитъ одинъ завѣтный часовой у каюты командира-лейтенанта: тамъ хранятся пироксилиновые патроны для взрыва и потопленія парохода, если бы не удалось избѣжать встрѣчи съ сильнѣйшимъ непріателемъ.

Минеръ-квартирмейстеръ изъ запасныхъ подходитъ къ командиру и докладываетъ, что онъ нашелъ удобныя мѣста для закладки патроновъ и послѣ осмотра этихъ мѣстъ дѣлается расписание, кому и какъ что дѣлать.

Документы сложены въ одной каютѣ, рядомъ съ командирской, и она запечатана,—пароходъ находится въ полной своей

боевой готовности—уходить отъ сильнѣйшаго непріятеля по возможности и не отдаться ему въ руки, если Богъ не поможетъ въ своей милости.

А Тихій Океанъ, такъ молчаливо созерцавшій разставаніе трехъ сильныхъ крейсеровъ и слабого ихъ приза, удовлетворенный, успокоился окончательно: ни зыби, ни вѣтерка, ни одинаго облачка на небѣ.

Къ вечеру, наученные долгимъ опытомъ, осмотрѣли всѣ иллюминаторы, наглухо закрыли наружные свѣтовые люки, дабы ни единый лучъ свѣта не прорывался наружу, и темный пароходъ погрузился въ ночную мглу океана, но не надолго.

Уже на горизонтѣ засвѣтлѣло, и вошла красивая полная луна; точно насмѣхаясь надъ всѣми приготовленіями, облила она ровнымъ голубымъ свѣтомъ и трубы и корпусъ, проникла въ входные люки и чуть не на 15 миль рѣзко очертила темно-синее небо отъ серебрянаго океана.

— Вотъ такъ дуля,—skonфуженно произнесъ сидѣвшій на полубакѣ у фитиля временный боцманъ, строевой квартирмейстеръ, изъ всѣхъ силъ старавшійся достичь, чтобы ни изъ одной щели не вырвалась полоска свѣта, а лучи луны между тѣмъ заглядывали внутрь судна и отражались на корпусѣ парохода, дѣлая его замѣтнымъ на далекое разстояніе.

— А какъ у нѣмцевъ налажено,—разсказывалъ кочегарный квартирмейстеръ: „у нихъ для черной работы, сказать кочегарской, взять китаецъ, и жарять это они на двѣ вахты, а для машины тоже все китайцы, а только одинъ въ вахтѣ нѣмецкій машинистъ за старшаго; и платять они этимъ китайцамъ одни гроши“.

— Да ты-то съ ними по-каковски объяснялся? — любопытствовалъ боцманъ.

— На пальцахъ больше; вытацишь монету, на работу покажешь, а онъ тебѣ на пальцахъ отсчитаетъ и скажетъ: „Долларъ“ — значитъ 20 долларовъ въ мѣсяцъ, безъ пропитанія; а жрутъ они, вотъ бы померъ, а не съѣлъ; рисъ, грязнымъ облитый чѣмъ-то на манеръ плохого машиннаго масла, и чего-то насовано, коренья не коренья, словомъ дрянъ какая-то, а онъ лопааетъ и похваливаетъ.

— А вотъ у насъ случай былъ на крейсерѣ,—прервалъ разсказчика кокъ, „взяли это господа офицеры и наняли китайца кормить, замѣсто ресторатора, а онъ такую комбинацію и предложилъ: возьмите, говоритъ, 10 китайцевъ моихъ, только въ-стовыхъ отъ стола уберите, не довѣряю молъ имъ, и столъ, го-

ворить, тогда дешево поставимъ; толковали, толковали и порѣшили: „взять китайцевъ“—въ каютъ-компаніи стали косые дьяволы ходить тихо, такъ, кошачьими шагами, блюда обносить. Первый день 12-ть блюдъ—всѣ очень довольны остались, только одно, что подадутъ блюдо, посмотрятъ на него такъ сбоку „не лягушка“, а потомъ ѣли, но все-таки съ опаской. На второй день ничего; на третій день, одинъ офицеръ говоритъ „воняетъ“, а для китайца это вѣдь самый скусъ, ну тутъ повздорили малость. На пятый день подаютъ блюдо особенное, неразбериха какая-то: попробовали, ѣсть можно, а что-то странное, и мясо тамъ, и рыба, и консервы, и картофель; позвалъ старшій офицеръ буфетчика изъ вѣстовыхъ и спрашиваетъ „высмотрѣль ты, какъ они готовятъ“, „такъ точно, Ваше Высокоблагородіе, въ камбузъ они меня не пуцали, украду что-нибудь, думаютъ, такъ я сверху въ лючекъ маленькій смотрѣлъ: они, Ваше Высокоблагородіе, остатки со всѣхъ тарелокъ собираютъ, видъ имъ другой придаютъ, и соусомъ обливаютъ и опять на столъ подаютъ“.—Какъ въ портъ ближайшій пришли, такъ все это китайское царство и вышибли, а онѣ кричатъ „покупай провизію, мы на два мѣсяца рядились“, а провизія вся тухлая... все-таки вышибли, и пошло опять по росейскому“.

— Расходитесь ребята спать, неизвѣстно, что утромъ или ночью будетъ,—прервалъ рассказчика голосъ командира, обходившаго судно передъ тѣмъ, какъ идти лечь спать.

Утромъ слѣва открылись японскіе берега; высокія горы, лишенные растительности, подъ цвѣтъ подходили къ голубовато сѣроватому морю и тянулись далеко къ сѣверу; курсъ лежалъ параллельно берегамъ и въ 6 часовъ вечера пароходу надо было входить въ проливъ между берегами острова Іезо и острова сѣвернѣе его. Заходящее солнце на безоблачномъ небѣ, а вслѣдъ за нимъ вскорѣ восходящая луна совершенно не давали возможности пароходу пройти незамѣченнымъ въ 4-хъ мильномъ проходѣ, и, видя это, командиръ рѣшилъ миновать его еще за свѣтло, чтобы къ утру оказаться ближе къ Сахалину.

— Ваше Высокоблагородіе на берегу японскій флагъ,—докладываетъ сигнальщикъ, и дѣйствительно на сѣверномъ берегу стояла мачта съ японскимъ флагомъ, а около нея копошились какіе-то люди, съ другой стороны, съ южной, маякъ открылъ освѣщеніе.

— Это японскій наблюдательный пунктъ,—замѣтилъ командиръ: „а вотъ и городъ“.

Дѣйствительно изъ-за мыска въ миляхъ 10-ти открылся го-

родокъ, но около него было безжизненно: ни одной шлюпки, ни одной парусной барки не виднѣлось на темнѣющей глади моря—очевидно, въ Японіи знали о набѣгѣ крейсеровъ и всѣ рыбачьи суда попрятались по гаванямъ.

— Китайцы въ чистое переодѣваются, и въ узелки вещи связываютъ—встревоженно докладываетъ боцманъ командиру, къ которому одновременно подходитъ капитанъ, симпатичный русый нѣмецъ съ круглой бѣлокурой бородкой и яснымъ взглядомъ свѣтлыхъ голубыхъ глазъ, и начинаетъ говорить что-то по-нѣмецки.

— Очень просто,—отвѣчаетъ ему командиръ: „всѣ ваши шлюпки будутъ спущены, ваши люди, включая и китайцевъ, будутъ на нихъ посажены и оставлены въ морѣ, а я съ своей командой воспользуюсь пароходомъ, какъ найду это нужнымъ“.

Удовлетворенный отвѣтомъ капитанъ передалъ результатъ разговора поджидавшимъ его внизу подъ мостикомъ старшему помощнику и старшему китайцу, и тѣ пошли дальше передавать своимъ подчиненнымъ объ той участи, которая ихъ ожидала въ случаѣ встрѣчи съ непріателемъ. „Только“, добавляетъ командиръ, „я даю вамъ на посадку 2 минуты времени, а шлюпки къ спуску приготавливаю сейчасъ“; „очень карошо, очень карошо“, отвѣчаетъ капитанъ, вполне довольный такой постановкой дѣла. Тревога оказалась напрасной—пароходъ благополучно прошелъ узкость (проливъ Кунашири) и освѣщаемый восходящей луной одиннадцати-узловымъ ходомъ бороздилъ блестящее море, направляясь къ невиданнымъ съ него берегамъ Сахалина въ Корсаковский портъ, гдѣ командиръ долженъ былъ ждать дальнѣйшихъ приказаній изъ Владивостока.

6-ть мѣсяцевъ прошло съ начала войны, а въ Корсаковскомъ посту не видѣли ни одного судна; послѣднее былъ японскій транспортъ, забравшій передъ самой войной всѣхъ японцевъ и наведшій этимъ появленіемъ уныніе на всѣхъ обитателей поста. Но время проходило, забывались тревожныя извѣстія о неудачахъ на морѣ и на сушѣ, нарастала новая надежда на эскадру Рожественскаго и жизнь на посту входила въ свои старыя рамки.

На скрытой густой листвой батарее небольшихъ пушекъ (она же наблюдательный пунктъ за моремъ) произошло волненіе: въ морѣ виденъ дымъ! Кто это? Враги, свои или нейтральные, случайно забредшіе въ заброшенный уголокъ Россійской Имперіи. Скорѣй всего враги: до Сахалина имъ рукой подать, придутъ, сожгутъ и уйдутъ.

Съ проходящими минутами обрисовывается изъ-за дыма корпусъ парохода, двѣ мачты и на одной изъ нихъ флагъ, какой-то ясный флагъ, бѣлый флагъ съ синимъ андреевскимъ крестомъ—русскій флагъ. Но не вѣрится; не хитрость ли это японская, чтобы легче подкрасться и произвести опустошеніе, но пароходъ-то идетъ увѣренно какъ-то, какъ будто знаетъ, что не будутъ стрѣлять; а пушки.... есть на пароходѣ пушки, нѣтъ.... значить, русскій. Ура! Надо дать знать скорѣе въ постъ.

Вотъ какія мысли проносились непрерывной вереницей въ мозгу у дежурныхъ на батарее... Тѣмъ временемъ пароходъ сталъ на якорь и на немъ стали ясно видны матросы и офицеры, крупные, не мелкіе, какъ японцы, несомнѣнно, русскіе. Отъ берега отвалилъ паровой барказъ и на немъ мѣстное начальство, вотъ они поднимаются по трапу наверхъ, и тамъ ихъ привѣтствуютъ дружески русскими словами и въ короткой бесѣдѣ выясняется, что это нашъ старый знакомецъ, пробирающійся вблизи японскихъ береговъ во Владивостокъ.

Скоро на берегъ отправляется офицеръ съ порученіемъ—посылается телеграмма во Владивостокъ, — и весь Корсаковскій постъ высыпалъ смотрѣть на желаннаго пришельца, а ссыльные хотятъ похвастаться своей готовностью послужить родинѣ, и на дворѣ тюрьмы выстроилась рота съ ружьями, набранная изъ желающихъ и надежныхъ каторжанъ; матросы со шлюпки и прислуга барказа у парохода обмѣниваются разговорами, и день проходитъ для Корсаковского поста необычно, торжественно, а когда обитатели его утромъ на другой день пришли на берегъ, то увидѣли чистое море и почувствовали себя, какъ и оно, осиротѣвшими, а небо стало закрываться мокрымъ туманомъ, точно и ему стало грустно отъ столь быстрой разлуки.

Въ 2 часа ночи на пароходъ пришла телеграмма, прогрѣли машину и пошли уже на югъ; разсвѣло... пароходъ приближался къ Лаперузову проливу, — въ 80 миль шириной — здѣсь легче всего можно было ожидать врага—военнаго судна, которому очевидно сообщили о проходѣ парохода черезъ Кунашири и черезъ 1½ дня онъ могъ успѣть подойти къ тому мѣсту, котораго никакъ не миновать пароходу, въ томъ случаѣ, если онъ идетъ къ русскимъ берегамъ.

Зорко смотритъ вахтенный начальникъ, прапорщикъ, впередъ и съ сердечнымъ трепетомъ ищетъ на горизонтѣ дыма или корпуса судна, но горизонтъ сегодня какой-то мутный, нѣтъ той рѣзко очерченной линіи, которая ласкала глазъ въ прошедшіе дни и ночи.

Вотъ уже и Крильонскій маякъ, мѣсто, которое штурмана не особенно жалуютъ, во-первыхъ потому, что вблизи него есть опасныя мѣста, и потому еще, что открытіе его предвѣщаетъ приближеніе къ мало гостепріимнымъ берегамъ Сахалина, названіе котораго связано съ міромъ преступленія, горя, слезъ... „Туманъ“, радостная мысль мелькаетъ въ головѣ у вахтеннаго начальника, замѣтившаго, что неясность на горизонтѣ расплывается и уже видна не одна линія, а двѣ, линія моря и верхняя линія—линія тумана, а рядомъ съ этою мыслью зарождается и опасеніе, какъ своевременно повернуть, не видя Крильонскаго маяка: будить командира жалко, только въ 3 часа ночи легъ командиръ, послѣ прохода гостей изъ города, желавшихъ провести вечеръ среди русскихъ, интеллигентныхъ русскихъ, много видѣвшихъ, много испытавшихъ и въ сравненіи съ ними много знавшихъ, а туманъ уже нашель; густой, мокрый скрыль онъ и высокіе Сахалинскіе берега и бѣлѣющій на сѣромъ фундаментѣ камня Крильонскій маякъ. Но счастье улыбается пароходу, судьба щадитъ жизнь его экипажа, и наступаетъ короткій просвѣтъ: Крильонскій маякъ открылся, пеленгъ взятъ, мѣсто до нѣкоторой степени провѣрено; проходитъ часъ, и опять открывается на минуту Крильонъ, получается точное мѣсто, и курсъ проложенъ на Владивостокъ.

Славлевъ.

